

СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ НАСЕРА К САДАТУ (1956–1970 ГОДЫ) (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПОЛИТИКОВ И ДИПЛОМАТОВ)

В. П. Подольников

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета*

Поступила в редакцию 4 октября 2022 г.

Аннотация: в статье, основанной на воспоминаниях советских и египетских политиков и дипломатов, рассматривается история развития отношений между СССР и Арабской Республикой Египет с середины 1950-х до 1970 г., когда на президентском посту Гамаль Абдель Насера сменил Анвар Садат. Показаны субъективные причины, предопределившие поворот внешнеполитического курса Египта от тесного сотрудничества с Советским Союзом при Насере к союзническим отношениям с Соединенными Штатами Америки при Садате.

Ключевые слова: Насер, Садат, советско-египетские отношения, арабо-израильские войны, ближневосточный конфликт, мемуары.

Abstract: the article, based on the memoirs of Soviet and Egyptian politicians and diplomats, examines the history of relations between the USSR and the Arab Republic of Egypt from the mid-1950s to 1970, when Anwar Sadat replaced Gamal Abdel Nasser as President. The subjective reasons that determined the turn of Egypt's foreign policy course from close cooperation with the Soviet Union, under Nasser, to allied relations with the United States of America, under Sadat, are shown.

Key words: Nasser, Sadat, Soviet-Egyptian relations, Arab-Israeli wars, Middle East conflict, memoirs.

История становления и развития советско-египетских связей в годы холодной войны является характерным примером взаимоотношений освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости государств Азии и Африки с Советским Союзом. Добившись политического суверенитета, они стремились вырваться из-под влияния своих бывших хозяев, западных монополий, которые, в свою очередь, не хотели терять огромные прибыли в этом регионе. В лице СССР, который последовательно поддерживал национально-освободительные движения, принципиально отстаивал права всех народов на свободное и независимое существование и настойчиво требовал полной ликвидации колониальной системы империализма, страны «третьего мира» видели естественного союзника в борьбе за свою самостоятельность. Возросший в годы Второй мировой войны международный авторитет и впечатляющие экономические достижения в послевоенное время, превратившие СССР в мировую супердержаву, делали его весьма привлекательным образцом для лидеров новых государств. В свою очередь, Советский Союз, не желая упустить открывшиеся возможности для расширения своего политического и идео-

логического влияния на постколониальном пространстве, оказывал заинтересованным режимам большую экономическую и военную поддержку. Однако по прошествии определенного времени оказывалось, что национальные интересы сторон не всегда и не во всем совпадали, а предлагаемые идеологические концепции вообще были чужды местным традициям. Негативную роль играли и политические амбиции авторитарных правителей. Первоначальный энтузиазм в отношениях сменялся их охлаждением и взаимным разочарованием.

В отечественной и зарубежной историографии, насчитывающей десятки работ [1–3], на большом документальном материале проанализированы различные аспекты истории сотрудничества СССР и Египта. Целью же данной статьи является попытка проследить развитие этих отношений через призму их восприятия египетскими и советскими политиками и дипломатами, отраженными в их воспоминаниях, показать степень преемственности и последовательности внешнеполитического курса Египта от президента Насера к Садату.

Авторы мемуаров хорошо знали друг друга, они контактировали как на официальном уровне (А. Садат – В. М. Виноградов), так и неформально (А. Садат – М. Хейкал; М. Хейкал – В. М. Виноградов). Но описывая одни и те же события, они зачастую оцени-

вали их по-разному. Учитывая субъективный характер мемуарных источников, их политическую и конъюнктурную ангажированность, двойственный (с советской и египетской сторон) взгляд на историю межгосударственных отношений позволяет обнаружить случайные ошибки или сознательные искажения прошлого и максимально приблизиться к достоверной его картине.

Разумеется, информационная ценность мемуаров и степень ее правдивости не равнозначны. Она зависит от роли их авторов в государственной жизни своих стран и от тех целей, которые они ставили, работая над воспоминаниями. Так, А. Садат пытался превратить их в средство решения текущих политических задач. Входя в ближайшее окружение Насера и занимая высшие государственные посты, он после его смерти становится вторым президентом Египта, присвоив себе почти диктаторские полномочия в вопросах внутренней и внешней политики. Свою автобиографию [4] он использовал в качестве инструмента обоснования совершенного им поворота во внешней политике своей страны от сотрудничества с СССР к союзу с США. Каждый эпизод советско-египетских отношений наполнен у Садата антисоветским содержанием. Неоднократно на страницах его книги прослеживаются попытки всячески принизить реальный вклад СССР в укрепление египетской экономики и вооруженных сил, в решение ближневосточной проблемы. Его мемуары изобилуют противоречивыми оценками, выдумками, подтасовками или просто замалчиванием неудобных фактов. Вместе с тем они позволяют проникнуть в «тайники личности» автора, понять особенности его мировоззрения и политической позиции.

Махмуд Хейкал, талантливый египетский публицист, несмотря на свой демонстративно подчеркиваемый антисоветизм, пытается быть более объективным. Весьма компетентный человек, состоявший в правительстве Насера в должности министра информации и даже временно исполнявший обязанности министра иностранных дел, а при Садате – главного редактора правительственной газеты «Аль Ахрам», Хейкал был близок к обоим президентам, особенно к Садату, который, по его словам, советовался с ним по важным политическим вопросам, делился конфиденциальной информацией. Поэтому многие эпизоды советско-египетских отношений излагаются в его книге [5] со слов самого Садата, не подвергаются автором критической оценке и добросовестно повторяются, как непреложная истина. Здесь хватает откровенной лжи, вымыслов, фактических неточностей. Несмотря на это, воспоминания М. Хейкала содержат большой и интересный фактический материал, составлявший в то время государственную тайну и впервые преданный публичной огласке, ко-

торый нуждался, однако, в серьезной проверке и сопоставлении с другими источниками.

В. М. Виноградов – опытный советский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Египте (1970–1974 гг.), который, с одной стороны, максимально полно информировал Москву о ситуации в стране и со стенографической точностью передавал содержание своих бесед с ее лидерами, с другой стороны, доносил до них позицию своего правительства. Все это нашло отражение в его мемуарах [6]. Четкая, ясная, хронологически последовательная канва советско-египетских отношений, изложенная В. М. Виноградовым, отличается высокой степенью объективности и достоверности.

Отношения между Египтом и СССР с середины 1950-х гг. до 1970 г. при президенте Насере отличались дружественным характером и взаимоуважением. В условиях антагонистического противостояния двух мировых систем (капитализма и социализма) каждое новое самостоятельное государство делало свой выбор в пользу одной из них. Египет, в силу ряда причин, сделал ставку на СССР и его союзников. Советское руководство, со своей стороны, видело в Египте самое крупное арабское государство, бросившее вызов Западу и приступившее к строительству социально ориентированного общества. Оно оказывало ему всестороннюю политическую, экономическую и военную помощь. Трижды (в 1956, 1967 и 1973 гг.), во время арабо-израильских войн, Советский Союз фактически спасал Египет от полного разгрома. Тем неожиданнее и для нашей страны, и для арабского мира, и для самого египетского народа стал внешнеполитический поворот страны от тесного сотрудничества с СССР к союзу с США при новом президенте. Мемуары Садата приоткрывают завесу над причинами этого. Они кроются в его политических и идейных принципах. Являясь типичным мелкобуржуазным националистом, Садат, хотя и входил в ближайшее окружение Насера, не разделял его видения социалистических перспектив развития египетского общества. Само понятие социализма оба политика трактовали по-разному, солидаризируясь лишь в отрицании его коммунистического смысла. Насер говорил: «Социализм один, однако пути к нему разные. Мы расходимся с коммунистическими странами относительно понятия социализма» [7, с. 14]. Поэтому, укрепляя государственный сектор в экономике, ограничивая крупный капитал и ликвидируя пережитки феодализма в деревне, Насер тем не менее не отменил частную собственность на средства производства и не национализировал землю. В основном теоретическом документе насеризма – «Хартии национальных действий» – говорилось о «гармоничном» развитии «национального капитала» [там же, с. 13]. «Социалистическим» же идеалом Садата была

египетская «деревня с ее деревенскими традициями, освященная исламом, жизнь на основе законов ислама в масштабах всего государства...» [6, с. 95]. К тому же, имея «самые смутные представления в экономических вопросах» [там же], он расценивал социально-экономические реформы Насера как слепое и «тупое копирование советского образца социализма» [4, р. 213]. Не раз в своих мемуарах Садат с негодованием говорил о пагубных, по его мнению, последствиях этих реформ для египетского народа [Ibid., р. 75, 139–140, 165–166, 208–210, 212]. Будучи убежденным антикоммунистом и отождествляя фашистские и коммунистические общества [Ibid., р. 83], он логически подводил к мысли о порочности советского опыта строительства социализма и необходимости для Египта искать другие ориентиры развития.

Какие же? В условиях биполярного мира ответ был очевиден. «Садат, – писал В. М. Виноградов, – противник крупной буржуазии, не в силу принципиально отрицательного отношения ко всем видам собственности..., а лишь потому, что он сам был не из числа крупных буржуев. Он из числа тех, кто хотел бы быть буржуем...» [6, с. 94]. Говоря другими словами, будущее Египта виделось Садату на капиталистическом Западе, что, естественно, предполагало иной, чем при Насере, внешнеполитический курс.

Вспоминая арабо-израильские войны 1956 и 1967 гг., во время которых наиболее ярко проявилась советская военно-политическая поддержка Египта, Садат в своей автобиографии практически это игнорировал. Многие факты просто замалчивались, другие искажались до неузнаваемости. Уже при описании им Суэцкого кризиса 1956 г. просматривалось стремление, с одной стороны, принизить роль СССР, с другой – явно преувеличить американское значение в урегулировании этого конфликта. Надуманным представляется его рассказ, опровергаемый всем последующим ходом событий, о том, что Москва «наотрез отказалась» «протянуть руку помощи Египту» против «тройственной агрессии» (Англия, Франция, Израиль). «Именно тогда я понял, – делает он вывод, – что рассчитывать на поддержку Советского Союза всегда бесполезно» [4, р. 146]. Очень жесткое ультимативное заявление советского правительства с требованием немедленно прекратить агрессию против Египта, названное Садатом «Ультиматумом Хрущева-Булганина», он расценил как бесполезную «игру мускулов». «А спас ситуацию – Эйзенхауэр», – утверждал Садат, упрекнув при этом Насера в том, что он как профессиональный политик упустил тогда шанс завязать американо-египетские отношения [Ibid., р. 147]. В действительности же именно твердая и последовательная позиция СССР сыграла решающую роль в срыве агрессии и быстрой ликвидации ее последствий. Что касается США, то они не под-

держали агрессоров отнюдь не из желания спасти Египет, а имея целью вытеснить старые колониальные державы из Ближнего Востока и защитить свои нефтяные интересы в арабском мире. «Позднее шеф американского ЦРУ А. Даллес признал, что США были информированы о «тройственной агрессии», но не захотели ее предотвращать, ожидая, как развернутся последующие события» [8, с. 36].

Темой постоянных упреков Садата в адрес СССР была советская военная помощь Египту, в бескорыстии и искренности которой он сомневался. Признавая сам этот факт, он вместе с тем упрекал Советский Союз в том, что тот использовал продажу вооружений Египту для укрепления своих интересов в арабском мире, «получая при этом деньги сполна (! – В. П.)» и «не теряя со своей стороны ничего» [4, р. 143–144]. Причем оружие это, уверял Садат, стоило дороже западного [Ibid., р. 144]. Не раз и Садат, и вслед за ним Хейкал повторяли легенду об оплате в «твердой валюте» [5, р. 65]. Посол В. М. Виноградов квалифицировал это как «провокационный слух, который распускался с целью вызвать недовольство решением Насера пригласить советских советников» [6, с. 172]. «Все поставки, – пишет он, – были на условиях сверхльготных кредитов, весьма длительных и за полцены, с оплатой по советско-египетскому клирингу, т. е. в конечном счете египетскими товарами», они «как бы записывались в долг» [там же, с. 193]. Затем эти долги полностью или частично списывались, о чем упомянул и сам Садат [4, р. 164].

Рассуждая о советско-египетских отношениях после войны 1956 г., Садат концентрировал внимание лишь на негативных, осложняющих их моментах, связанных с нежеланием Хрущева поддержать революцию 1958 г. в Ираке или объединение Египта с Сирией. Он с восторгом пишет о своих публичных выступлениях тогда в Каире и Александрии, которые «имели беспрецедентный успех в подъеме антисоветских настроений» [Ibid., р. 153–154].

Всего один раз вспомнил он о советском кредите на строительство Асуанской плотины и ГЭС [Ibid., р. 142], ни слова не сказав о громадной технической помощи СССР в их строительстве, о реконструкции при бескорыстном содействии советских специалистов Хелуанского металлургического комбината, сотен других заводов, строений и социальных объектов. О многостороннем сотрудничестве с нашей страной в те годы свидетельствовал состав советской колонии в Египте, насчитывающей, по словам посла В. М. Виноградова, «многие тысячи людей... Помимо дипломатов здесь трудились внешнеторговые работники, строители, хлопководы, военные, балетмейстеры, геологи, студенты..., врачи, учителя, судостроители, металлурги, нефтяники, портовики, моряки, преподаватели в университетах, журналисты, работники

цирка, спортивные тренеры и т. д.» [6, с. 28–29]. Посол приводит любопытный эпизод, характеризующий отношение Садата к роли СССР в создании современной египетской экономики. В феврале 1971 г. президент Садат приехал на торжественное открытие Асуанской плотины и ГЭС, снабжавшей тогда электроэнергией половину Африки. «Ни на плотине, ни на электростанции, где были размещены памятные доски в честь этого знаменательного события, не было и упоминания о Советском Союзе: “По воле Аллаха и с помощью наших друзей мы построили плотину и открыли ее в присутствии президента Садата”, а кто были друзья – пусть в будущем сами потомки доискиваются» [там же, с. 28]. Одновременно Садат не преминул подчеркнуть «важную роль» американской помощи Египту зерном, что способствовало формированию нормального бюджета страны [4, р. 154].

Весьма предвзято и однобоко оценивал Садат роль СССР в войне 1967 г. В связи с этим нельзя не вспомнить слова Насера, сказанные им в июле 1970 г., т. е. за два месяца до смерти: «Когда мы вспоминаем о друзьях, которые были рядом с нами в мрачные дни наших испытаний и бедствий 1967 года, мы говорим, что первыми такими друзьями, наиболее дорогими для нас и наиболее достойными нашей безграничной признательности, были Советы, Советский Союз» [Ibid., р. 109]. Мемуары Садата рисуют совсем иную картину. Он очень примитивно и бездоказательно пытался возложить ответственность за поражение арабов в войне на СССР, который, «как всегда... усложнял ситуацию» с затягиванием поставок оружия, якобы неверно информировал египтян о концентрации израильских боевых бригад на границе с Сирией, поссорил египетских и сирийских лидеров, в результате чего Насер неправильно дислоцировал египетскую армию и «ситуация в дальнейшем вышла из-под контроля» [Ibid., р. 171–173]. Несправедливо звучит утверждение Садата о том, что советское правительство, обманутое американским президентом Джонсоном, заверило Насера, что Израиль не начнет боевые действия. «Советские лидеры поддались этому обману, а может быть и сами приняли в нем участие, я не могу утверждать категорически», – притворно сокрушается автор [Ibid., р. 282–283]. Однако хорошо известно, что еще 24 мая 1967 г. СССР в своем заявлении предупредил арабов о подготовке Израиля к войне и о своей готовности «делать все возможное в целях недопущения нарушения мира и безопасности на Ближнем Востоке» [8, с. 94].

Как ни пытался Садат скрыть правду о действительных причинах поражения египетской армии в этой войне, она все же всплыла наружу даже в его воспоминаниях. Побеседовав после окончания войны в госпитале с генералом Али и его офицерами, сражавшимися на Синае в июне 1967 г., он сделал вывод,

что недостатка в «отличном (советском. – В. П.)» оружии и умении арабских солдат воевать не было, а было плохое командование [4, р. 184–185].

В послевоенное время двусторонние отношения осложнились из-за разных подходов СССР и Египта к ближневосточной проблеме. Советская сторона настаивала на ее дипломатическом решении в соответствии с резолюцией 242 Совета Безопасности ООН, обеспечивающей территориальную целостность и безопасность всех государств региона, включая Израиль. Египет признавал только военное решение. «Насер, – пишет Хейкал, – всегда скептически относился к резолюции 242...; что отнято силой, можно вернуть только силой», – говорил он [5, р. 54]. Формально признав резолюцию 242, Насер в ответ на израильские обстрелы и бомбардировки египетской территории вынужден был включиться в так называемую «войну на истощение» с Израилем. «С этой войной, – вспоминал В. М. Виноградов, – Насер связывал многие свои политические лозунги, ее он использовал для своих политических ходов как внутри страны, так и во внешней политике» [6, с. 10]. Война, по мнению Насера, должна была прекратить внутренние беспорядки в стране. «Первый наш выстрел, – сказал Насер Л. И. Брежневу, – все успокоит» [5, р. 44]. Помимо этого, Насер с помощью войны (и здесь мнение Хейкала и Виноградова полностью совпадают) хотел как можно больше вовлечь Советский Союз в ближневосточный конфликт «для противодействия в регионе американскому превосходству» [Ibid., р. 47, 56–57; 6, с. 172]. Разумеется, это не соответствовало национальным интересам СССР. В беседе с Насером в марте 1970 г. В. М. Виноградов подверг сомнению его тезис, что ближневосточный конфликт является не арабо-израильским, а советско-американским: «Я сказал, – вспоминает Виноградов, – что Советский Союз не является и не будет являться участником арабо-израильского конфликта, который представляет собой конфликт между силами национального освобождения, прогрессивными силами, возглавляемыми Египтом, и силами реакции – Израилем, который поддерживается Соединенными Штатами... неудивительно, что СССР поддерживает прогрессивные силы, а США... – реакционные... Насер внимательно слушал, пытался выставить дополнительные аргументы, но в конце концов согласился с тем, что было сказано мной» [6, с. 11].

Совсем по-иному видится позиция СССР в послевоенный период Садату, считавшему, что единственным стремлением советского руководства было сохранение своего присутствия в регионе и контроля над Египтом [4, р. 187, 197].

Насер понимал, что будущие переговоры с Израилем могут закончиться успехом лишь в том случае, если они будут вестись равноправными партнерами.

Для этого надо было реорганизовать понесшую большие потери египетскую армию. Это можно было сделать только с помощью СССР. И действительно советская сторона внесла большой вклад в укрепление египетских вооруженных сил, о чем позже не раз говорил и сам Садат: «Советский Союз дает в наше распоряжение все, чтобы помочь нам твердо стоять на ногах..., он и поставляет нам оружие и все необходимое оборудование» [7, с. 27]. Поэтому именно военное сотрудничество двух стран в послевоенное время было в центре внимания мемуаристов. В написанной позже автобиографии, когда окончательно определился антисоветский курс нового президента, трактовка этого сотрудничества разительно отличалась и от его прошлых оценок, и от исторической правды. Военную поддержку СССР Египту он считал недостаточной, поставки советского оружия лишь «жестом вежливости», знаком «признания антиамериканского и антиимпериалистического курса Египта и попыткой сохранить свое присутствие в регионе» [4, р. 185–186]. Всю богатую палитру двусторонних отношений Садат свел к постоянным конфликтам по поводу количества и качества поставляемого советского оружия.

Более объективную и подробную, хотя и не всегда безупречную, информацию по этому вопросу можно найти в книге Хейкала. В ней рассказано о визите в Египет в конце июня 1967 г. Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и начальника Генштаба советских вооруженных сил маршала М. В. Захарова для выяснения всех обстоятельств прошедшей войны, состояния египетской армии и ее перспектив. Обе стороны высказали взаимные претензии. Русские упрекнули египтян в том, что поврежденная и брошенная ими на полях сражения современная советская техника была захвачена израильянами и передана американцам. Кроме того, они считали завышенными и излишними требования новых вооружений. Египетское командование, со своей стороны, пожаловалось на ограниченный радиус действия самолетов МИГ и СУ и просило прислать дальнюю бомбардировочную авиацию [5, р. 47]. Подгорный также поднял вопрос об усилении военноморского присутствия СССР в Средиземноморье, о размещении в Александрии советского командного пункта, ремонтных мастерских и помещений для охраны. Затем, включив фантазию, Хейкал добавляет: «Подгорный попросил разрешения поднять над всей этой зоной красный флаг». В интерпретации Хейкала Насер, услышав это, вышел из себя и воскликнул: «Это означает, что мы даем вам базу... Но ведь это самый настоящий империализм!» [Ibid., р. 48]. В связи с этим В. М. Виноградов заметил, что «Хейкал грубо искажает характер переговоров с Насером. Советский Союз никогда не требовал передачи ему ка-

кой-либо египетской собственности, в том числе земли», а упоминание о красном флаге вообще считал журналистской выдумкой [6, с. 171].

Большую роль в реорганизации египетской армии сыграл маршал М. Захаров. О его кипучей деятельности свидетельствует фраза Хейкала: «...казалось, Захаров был везде» [5, р. 50]. Когда египетские офицеры поднимали вопрос о новых поставках оружия, Захаров осаждал их словами: «Оружие? Для чего вам нужно больше оружия? Чтобы оно вновь досталось Израилю? Единственное, что вам надо – обучаться и еще раз обучаться им пользоваться. А дальше посмотрим» [Ibid., р. 51]. Маршал, отмечал Хейкал, пользовался большим уважением и доверием президента Насера. Одновременно Хейкал «приписывал маршалу черты, которыми тот не обладал, особенно чрезмерную грубость» [6, с. 171].

Являясь членом египетской делегации во время секретного четырехдневного визита Насера в Москву в январе 1970 г., где обсуждался вопрос о поставке современных зенитно-ракетных комплексов и другой военной техники, Хейкал оставил яркий рассказ о драматической обстановке и степени накала на переговорах, которые временами «казалось, закончатся полным провалом», но в конечном итоге завершились словами Л. И. Брежнева: «Наш друг Насер всегда получает то, что хочет» [5, р. 85]. Результатом стало прекращение израильских налетов в глубь египетской территории. В отличие от Садата, который и здесь обвинил СССР не в полном выполнении договоренностей [4, р. 197–198], Насер, понимая определенные технические и транспортные трудности, заявлял: «Я всегда говорю моим арабским друзьям и нашему египетскому народу, что даже если русские медлят с поставками оружия, в конце концов они дадут нам все, что требуется» [5, р. 67]. Тем неправдоподобнее кажутся якобы сказанные Насером Садату в апреле 1970 г. в личной беседе слова, что «настало время начать с американцами переговоры и позволить им вступить в игру» [4, р. 198]. В этом явно прослеживалось стремление Садата убедить всех в том, что первый сигнал к повороту в египетской политике от СССР к США был дан Насером, а он лишь в дальнейшем продолжил этот курс. Однако, несмотря на определенные разногласия в советско-египетских отношениях при президенте Насере, никаких убедительных свидетельств этого не существовало.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев И. П.* Египет : время президента Насера / И. П. Беляев, Е. М. Примаков. – М., 1974.
2. *Агарышев А.* Гамаль Абдель Насер / А. Агарышев. – М., 1979.
3. *Baker R.* Egypt's Uncertain Revolution under Nasser and Sadat / R. Baker. – London, 1978.

4. *Sadat A.* In search of identity. An autobiography. Harper and Row / A. Sadat. – London, 1977.

5. *Heikal M.* The road to Ramadan. Quadrangle / The New York Times Book Co. / M. Heikal. – New York, 1975.

6. *Виноградов В. М.* Египет : От Насера к Октябрьской войне. Из архива посла / В. М. Виноградов. – М., 2012.

7. *Князев А. Г.* Египет после Насера. 1970–1981 / А. Г. Князев. – М. : Наука, 1986.

8. *Медведко Л. И.* К востоку и западу от Суэца (закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке) / Л. И. Медведко. – М. : Политиздат, 1980.

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета*

*Подольников В. П., кандидат исторических наук,
доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений*

E-mail: podolnikov@list.ru

Institute of History and International Relations, Southern Federal University

Podolnikov V. P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: podolnikov@list.ru